

Анатолий Говоров

Иван Балов и его время

документальная
повесть

Рязань
Издатель Ситников
2009

ББК 84
Г57

Говоров, А.Ф.

Г57 Иван Балов и его время: документальная повесть / ред. И. Красногорская. — Рязань: Издатель Ситников, 2009. — 200 с.: ил.

ISBN 978-5-902420-27-9

Эта книга о знатном рязанском хлеборобе, Герое Социалистического Труда Иване Егоровиче Балове, бессменном с 1954 по 2007 год председателе колхоза, сумевшем сохранить его и в те годы, когда повсеместно большинство колхозов России перестало существовать; о сложном и противоречивом времени, в какое ему пришлось работать.

ББК 84

ISBN 978-5-902420-27-9

© Издатель Ситников, 2009
© Говоров А.Ф., текст, 2009
© Ситников К.Н., оформление, 2009

От автора

В истории древнего Рязанского края было немало судьбоносных дат, событий, громких имён, которыми гордится Россия и цивилизованный мир. Славу земли Рязанской составили государственные деятели и учёные, полководцы и герои войн, писатели и поэты, деятели искусства и культуры, организаторы производства. У кого из россиян душа не наполнится теплом и гордостью при упоминании таких выдающихся людей, как Михаил Скобелев, Пётр Семёнов-Тян-Шанский, Михаил Салтыков-Щедрин, Василий и Александр Головнины, Константин Циолковский, Иван Павлов, Иван Мичурин, Сергей Есенин, Владимир Уткин и десятков других, чьи имена на устах простых людей.

Но мне кажется несправедливым то, что мы редко славим тех, чьим трудом кормится и стар и млад, кто даёт ежедневную, реальную пищу к столу каждого человека. Я хочу сказать о труде крестьянина, хлебороба, на котором росло благосостояние Рязанского края и Российского государства. Сколько тысяч крестьянских династий, не помышляя о доблести и лаврах, кропотливо трудилось на земле и ныне продолжает начатое отцами и дедами святое дело, подтверждая истину слов: «Как прекрасна земля и на ней человек!».

Мне, родившемуся и выросшему в рязанской глубинке, на берегах реки Прони – главного притока Оки, пришлось не по книгам, а на себе почувствовать тяготы жизни, труда и быта на селе, особенно в послевоенное время. Село не только даёт хлеб, молоко, мясо, овощи, но в трудные для Родины времена первым посылает своих сынов на защиту её рубежей. Только в Великую Отечественную войну Рязанская область не

досчиталась около 175 тысяч мужчин. А как воевали!.. Более трёхсот селян-рязанцев стали Героями Советского Союза и полными кавалерами ордена Славы.

Сколько невзгод пережила рязанская земля! Но всякий раз она возрождалась к жизни усилиями земледельцев-хлеборобов, учёных и организаторов сельскохозяйственного производства.

Я взялся за перо не без опаски, ибо хочу поведать о выдающемся человеке, родившемся на рязанской земле, всю энергию, весь талант отдававшем крестьянскому труду, постигнувшем всю её благотворную силу, начало начал, истоки жизни – об Иване Егоровиче Балове и его времени, по сути, истории Рязанской области.

Балов вступил в обязанности председателя колхоза в 1954 году, в 27-летнем возрасте, имея семилетнее образование. Бессменно отработал на одном месте около 53 лет до ухода на заслуженный отдых. За эти годы он из отсталого хозяйства превратил колхоз в передовой не только в области, но и в России, получил звание Героя Социалистического Труда.

С книгой о Балове меня одолевали сомнения: справлюсь ли с непростым образом? Ведь председатель колхоза – фигура далеко не поэтическая, к тому же в наше время принято говорить о тех, кто давно ушёл в мир иной, кто не отзовется, не обидится. Иван Егорович же – слава Богу – продолжает активно отслеживать процессы, проходящие в Отечестве, в родном крае, на земле. Меня много лет привлекает этот неторопливый, неброский внешне, с крупными чертами крестьянского лица, лысоватый, с тихим, хрипловатым голосом, не лишённый юмора человек не яркими поступками, но крестьянской мудростью, последовательностью и честностью к земле, людям и коллективному труду.

Не раз приходилось мне слушать его с самых высоких областных трибун. Он не обладает ораторским

пафосом, не привлекает внимания к самому себе. Но слушатели нередко прикладывали руки рупором к ушам (ваш покорный слуга тоже), чтобы не пропустить ни единого слова из его негромкой речи, ибо говорил он о делах насущных, о непорядках, о недобросовестных чиновниках разных рангов, не сглаживая острых углов и нисколько не опасаясь возможных неприятных последствий. Говорил о том, о чём другие не скажут.

Шли годы, десятилетия, подросла перестройка. В начале 90-х годов прошлого столетия свершились события, перевернувшие многие устои, приверженности, взгляды. Развалился Советский Союз, порвались созданные десятилетиями государственные, экономические, хозяйственные, человеческие, дружеские связи. Разруха пришла на село, рассыпались многие колхозы, земля стала предаваться запустению, возобладали вседозволенность, хозяйничал криминальный беспредел. Зарплату, пенсии, пособия не выдавали месяцами. Некоторые руководители стали прихватывать лакомые куски, вошли в долю с бандитами.

Менялись законы, власти, руководители. Иван Егорович пережил пять первых секретарей обкома, а всего первых руководителей области – десять. О некоторых даже представления не успел составить – настолько быстротечно было их пребывание в должности. Он же свято соблюдал верность крестьянскому долгу – честно выращивал хлеб, добиваясь высоких урожаев зерновых культур, производства молока и мяса, твёрдо уверенный в том, что любые перемены или революции должны вести своих граждан к обеспеченной жизни. По долгу службы мне приходилось бывать на совещаниях и семинарах, проводимых на базе колхоза имени Ленина. Однажды группа остановилась у доски показателей социалистического соревнования колхоза, которые во многих хозяйствах давно за ненужностью исчезли. Кто-то вполголоса сказал Балову:

«От вас советская власть не уходила». На что он живо откликнулся: «Дело не в названиях, а в отношении к земле. Я до сих пор не снял в кабинете портрета Ленина, и он не мешает мне». Такой он, Балов...

Редкие председатели колхозов по выходе на пенсию оставались жить в своём населённом пункте. Обычно устраивались в районном или областном центре, загодя обзаведясь квартирой, и потому не спешили обустраивать село. Балов же прежде позаботился о людях, за колхозные деньги в населённые пункты колхоза провёл газ, воду, построил жилые дома, школу, детский сад, ясли, медпункт, по сути, создал городские условия. Уйдя в отставку, остался жить в Гребневе, в предоставленной ему много лет назад квартире в колхозном доме. Будь моя воля, я установил бы на этом доме мраморную доску с надписью: «Здесь живёт выдающийся русский хлебороб, Герой Социалистического Труда Иван Егорович Балов». Но у нас не принято увековечивать живых, нас преследует чеховское «как бы чего не вышло»: не обидел ли кого, не наказал, не уволил? Мало ли что могло быть за председательские полвека! «Да так ли уж велик этот Балов? – может сказать один из тех, кто ежедневно встречается с ним на улице или в магазине и привык видеть в нём обычного человека. – Такой же, как и все мы». По внешности – да, а внутри – такая глыба, только надо разглядеть.

Я не раз бывал у Ивана Егоровича в его квартире, обсуждали с ним события в стране, области, в родном колхозе – теперь СПК, – дела и поступки руководителей разного ранга. Рассматривали награды... Перебирали его архив: газетные статьи, семейные и деловые фотографии; материалы XXIII и XXIV съездов КПСС, делегатом которых Иван Егорович избирался; «Золотую Звезду» Героя; символы званий «Заслуженный работник сельского хозяйства» и «Почётный гражданин Рязанской области» (Балов первый удостоился

его), два ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, орден Трудового Красного Знамени, современный орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени, многочисленные медали и знаки, среди которых медаль имени прославленного хлебороба-селекционера Т.С. Мальцева и знак «Отличник народного просвещения СССР» – предмет его особой гордости; бесчисленные дипломы, грамоты, подарки; льготную книжку на ежегодный бесплатный проезд в оба конца, которой он воспользовался только однажды; партийный билет советских времён...

К сожалению, не вёл Иван Егорович дневников, не делал никаких записей, не собирается писать воспоминаний. А жаль. Когда я прочитал почти всё, что о нём было написано в газетах и журналах, в его интервью многим журналистам, оживил свои многолетние впечатления, то посчитал себя «созревшим» до книги. Предложил ему не без опаски Балов – человек непростой. Своё отношение к моему предложению он высказал уклончиво: «Ты знаешь, когда я ещё работал, ко мне как-то приезжал один из пишущих. Давай, говорит, напишу о тебе книгу. Я ему: пиши. Нет, отвечает, ты садись, изложи на бумаге всю свою жизнь, а я красиво обработаю. Пришлось ему сказать: до свиданья. Председателю колхоза своих дел хватает».

В газетах Балова называли «маяком», «человеком-легендой», «гвардейцем», «самородком», выдающимся, талантливым. Так оно и есть. Можно добавить: Балов – это живая история Рязанской области, народный академик. Его место в одном ряду с такими прославленными хлеборобами, как Герои Социалистического Труда – Владимир Бедуля, Сергей Бакулин, Василий Горин, Василий Стародубцев, Николай Самофал, Василий Чердынцев. Однако ни одному председателю колхоза в России не удалось побить рекорд Балова по продолжительности работы в этой должности с

неизменно высокими результатами сельскохозяйственного производства.

Слава не вскружила ему голову, все знаки отличия и внимания он воспринимает как само собой разумеющуюся оценку труда. Привыкший жить по принципу: «Раньше думай о Родине, а потом о себе», он никак не может понять, почему народ, владеющий землёй и её недрами, не имеет права воспользоваться ими, нищенствует. «Хозяева плохие, на земле не трудились, не знают её возможностей, больше о себе думают, хапают народное. Отсюда богатые чиновники, олигархи, проходимцы всех мастей, – вздыхает он. – Поднимется ли с колен Россия?»

Представление

Клуб села Гребнево быстро заполнялся людьми. Скоро не стало хватать скамеек, опоздавшие толпились в проходе, вдоль стен, в дверных проёмах и коридоре. Заядлые курильщики остались на крыльце, ребятишки неподалёку устроили свои игрища. Собравшиеся в зале сидели, переговаривались, обсуждали. Интерес к предстоящему действу не оставлял равнодушных – ожидалось грандиозное по их меркам событие. Добро бы постановка доморощенных артистов или концерт заезжих гастролёров из Рязани, коих в последнее время случалось достаточно, а то люди собрались, чтобы решать судьбу своего колхоза и, в какой-то мере, свою судьбу – выбрать председателя колхоза. Ведь если колхоз твёрдо стоит на ногах, имеет высокие урожаи, даёт государству положенные поставки хлеба, молока, мяса, картофеля и овощей, то трудодень колхозника наполняется, а не носит презрительно-насмешливого названия «палочки». И тут очень многое зависит от председателя колхоза.

И теперь должно было состояться представление очередной кандидатуры. Колхозники привыкли к частой смене руководителей. С 1930 года, когда был организован колхоз, приходит тридцать первый председатель. И это за 24 года!.. В иной год приходилось выбирать дважды. Но на председателей колхозу явно не везло. Разные приходили люди: неграмотные, ленивые, слабые на руку – вороватые, свои и пришлые. Но были такие, что поначалу производили неплохое впечатление, казались солидными, но вдруг объявлялся извечный русский недуг – запойность. В таких случаях обычно забрасываются дела, все усилия тратятся на

поиск денег, водки и самогонки. Тут уж идут на всё – на приписки, обман и откровенные хищения...

В клубном помещении в основном женщины, старики, инвалиды, реже – полнокровные мужики. Не прошло десяти лет после войны, которая выбила самый цвет села, молодых, крепких, работающих мужиков. Да и вернувшиеся с войны здоровыми, видя безотрадную картину и нищету, подались в крепкие хозяйства или в города. Рязань под боком, где рабочие руки тоже нужны.

– Штой-то начальство задерживается, – не выдержала долгого молчания одна из женщин, привыкшая всему давать свою оценку. И словно команду подала, публика ворохнулась на голос и оживилась.

– Дык, парторг показывает районному начальству наши поля и ферму, – живо отозвался голос из другого конца помещения.

– А што там смотреть? У нас всё плохо, на двойку: урожайность зерна – два центнера с гектара, надои – два литра от коровы. Моя коза больше даёт.

– Новый председатель-то поглядить-поглядить да и наострить лыжи к себе домой. Говорять, издалека привезли, – по-рязански смягчая окончания, отозвалась третья.

– Ну, председателем иш-шо надо выбратся. Мы его щас со всех сторон пош-шупаем, – подал голос кто-то из мужиков.

– Чего его ш-шупать, он што, баба, што ль? – Зал разразился хохотом.

В это время боковая дверца отворилась, на сцену к столу, покрытому красным сатином, прошли четверо и сели на скамейку. Двое из них колхозникам были хорошо знакомы: один – председатель сельсовета, другой – колхозный парторг, который встал и оглядел с высоты сцены развеселившееся собрание. Смех и шум мгновенно стихли, взоры всех обратились к двум

незнакомым гостям. «Наверно, в председатели хотят вон того постарше, этот-то дюже молод», – пошептавшись, сошлось во мнении большинство, все приготовились слушать парторга.

– Что-то вы, земляки, развеселились. Дела-то у нас далеко не весёлые, да и сейчас серьёзный вопрос нам надо решать. Так что настраивайтесь на деловой лад. Кто за то, чтобы считать колхозное собрание открытым, прошу поднять руки, – объявил парторг и приготовился считать голоса. Вскинулся лес рук. Считать не стали. – Кто против? Нет. Кто воздержался?

Поднялась одна рука.

– Митрич, ты почему воздержался-то? – спросил парторг, хотя знал, что от Митрича, по кличке Кавун, ожидать всего можно. Вообще-то он был Семён Дмитриевич Петюшко, колхозный конюх. Кавуном его прозвали потому, что он при случае рассказывал о своих родных местах на Украине, где растут знатные арбузы или кавуны, каких в здешних местах не выдывали. Ну, вылитый шолоховский дед Щукарь, которые могут отыскаться в любой деревне.

– Да я, Петрович, думаю, чтобы не прошибиться, как в прошлом годе.

– На то и собрание, чтобы решать вопросы сообща. Итак, собрание открыто, на повестке дня один вопрос – выборы председателя колхоза. Нет возражений? – продолжал соблюдать колхозную демократию проинструктированный представителем района парторг.

– Нет, – дружно ответило собрание. Парторг предоставил слово гостю из района.

В зале снова воцарилась тишина. Когда поднялся тот, что старше, левая рука которого висела плетью, зал шумно выдохнул: оказывается, им хотят подсунить мальчишку. «Ну, это у них не пройдёт», – решили многие и настроились на схватку.

Чуть волнуясь, представитель из района начал говорить о сложной обстановке в колхозе:

– Несколько месяцев нет председателя. Да и когда работал, толку от него мало было. Вы всё это лучше меня знаете, – нащупывал ниточки контакта с залом районный представитель, на что собрание дружно ответило: «Знаем!» – Кормов заготовили мало, уборка хлебов идёт ни шатко ни валко, урожайность низкая, план поставок государству опять может быть сорван. Дисциплина расшатана, многие не выходят на работу, пьянствуют, воруют, – перечислял оратор беды колхоза, о которых все хорошо были осведомлены, разве что он собрал эти беды в кучу и теперь выстреливал ими в зал.

– Райком партии недавно рассмотрел вопрос о тяжёлом экономическом положении вашего колхоза, – перешёл представитель власти к главному, наивно полагая, что почву он подготовил и можно сеять, – и рекомендует председателем Балова Ивана... Егоровича. Мы считаем, что он справится с вашей помощью со всеми задачами, которые стоят перед колхозом. Прошу любить и жаловать, – завершил свою короткую речь. – Вопросы есть?

Наступила пауза. Балов встал за столом, его придирчиво разглядывали, скептически покачивали головами, недоверчиво хмыкали: «Иш-шо молоко на губах не обсохло, а туда же, командовать... Да и грамотёшки маловато по нынешним временам, всего-то семь классов и годовичные курсы по торговому делу». Колхозники боялись ещё одной ошибки, опасались ещё одного «кота в мешке», каких видывали на своём колхозном веку не один десяток раз. Кавун поднял руку, чтобы озвучить настроение собрания, и обратился к представителю района.

– Ты скажи, дорогой товарищ, за какие такие заслуги вы пихаете нам этого молодца? Он нигде толком не

работал, колхозного пороху не нюхал, носом борозду не пахал, по ночам отёлы не принимал,- начал издалека Кавун.

- Почему же так категорически судите о человеке, какого, по сути, совсем не знаете? Мы изучали его биографию,- представитель из района взял лежавший перед ним на столе листок, то и дело в него заглядывая, видно, боялся что-нибудь существенное из жизни Балова упустить. - Он хоть и молод, но в крестьянском деле не новичок. Родился в 1927 году в селе Выползово Спасского района, в семье коренных крестьян, уже подростком, как и многие из вас, косил, пахал, сеял и убирал, познал труд конюха и пастуха. В войну на трудовом фронте в 16 лет копал окопы, ворочал мешки с зерном на пристани. Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.»

Село Выползово, как и все другие, кормило героический фронт. В двадцать лет земляки выбрали Балова председателем сельского Совета, по совместительству был и председателем колхоза, потому что предшествующий, как и ваш, запил. Потом Ивана Егоровича утвердили инструктором Спасского райисполкома, так что районную работу тоже представляет. Однако там, как и в нашем районе, специалистов не хватало, война повыбила народу много. Потому, когда Иван попросился поучиться в техникуме в городе Острогожске Воронежской области, три года ему на учёбу не дали. Он специальный курс прошёл по ускоренной программе - за год, занимался по 12 часов без выходных и проходных. Там же его выбирали комсомольским секретарём. После окончания учёбы его направили управляющим Ижевской и Букринской конторами «Заготскот» в Спасском районе, а параллельно - директором завода по сушке овощей для районов Крайнего Севера. Иван Егорович заметно окреп на

этих работах, все заметили в нём хозяйскую жилку, начальство предложило ему должность председателя небольшого колхоза. Но он отказался: объяснил, что ему нужен колхоз, где он мог бы развернуться. Поначалу посмеялись над его прытью и отпустили с миром. А теперь обком партии рекомендует его к вам. Колхоз большой, несколько сёл и деревень в него входит, земли много, вот пусть и разворачивается.

Представитель района, раскрасневшись от волнения, закончил свою речь, вроде получилось неплохо. Сел и вытер платком пот на шее и лице. Колхозники придиричиво продолжали разглядывать и оценивать Балова, стоявшего долгое время почти навтыжку. В зале стихли смешки, им приглянулся этот парень: молодой, крепкий, невысокого роста, с открытым лицом, высоким лбом и чётко очерченными губами.

– Теперь кое-что прояснилось, – раздалось из рядов. Встал степенный колхозник средних лет, все притихли, видно, авторитет среди сельчан имел:

– Хотелось бы его самого послушать, что же за него другие говорят? Может, за него и работать другие будут?

Балов не стал много говорить о себе, рисоваться, достаточно того, мол, что было сказано, не в женихи набивается. Сказал коротко, может, слишком резко, грубовато даже:

– Я природный крестьянин, с детства землю познал и люблю работать на ней. Золотых гор обещать не буду и сдобных пышек сразу, но если хорошо работать будем, то трудодни – «палочки» голыми не будут.

Однако раздался голос Кавуна:

– Ты, мил человек, вот что скажи: ты хоть женатый? Аль ты с первых дней начнёшь молодых вдов огуливать? – Раздался хохот, а некоторые женщины, зардевшись, опустили головы. Кавун как ни в чём ни бывало продолжал:

- А то тут до тебя один председатель вместо утреннего наряда и распределения дел на день даже на работу не приходил. Мы-то все знаем, что он пьяный у бабы, только не знаем у какой: у Нюшки, у Зинки или у Глашки.

- Ну, ты, Митрич, хоть бы при чужих людях язык-то попридержал,- не выдержал парторг.

- Петрович, ты знаешь, что я не пью, но у меня как у пьяного, что на уме, то и на языке. Прости ты меня и у всего честного собрания этого прошу.

Балов снова встал, чтобы ответить на вопрос и снять неясности.

- Я женат, кстати, моя жена здесь.

Чуть не сказал, что не только женат, но и обвенчан. Поженились они ещё во время учёбы в техникуме. Чтобы расписаться, пешком ходили за восемь километров в сельский Совет. Когда вернулись, к ним зашёл друг с невестой. Посидели вчетвером – вот и вся свадьба. Жили с Татьяной дружно, ладно. Только один раз она совершила поступок, не посоветовавшись с мужем. Переживала, что они в церкви не венчались. А как об этом мужу-коммунисту скажешь? Однажды решили они навестить его родителей в Спасском районе. Проходили с Таней мимо церкви. Она попросила: «Иван, я никогда в церкви не была. Давай зайдём, хочу посмотреть». Зашли. А тут священник навстречу и в церкви никого. Она к нему: «Батюшка, обвенчайте нас». Не успел Иван понять, что к чему (коммунист всё-таки), но возражать не стал. Священник быстро совершил обряд. Так и не понял тогда Балов: случайность это была или хитрость молодой жены...

- Татьяна, поднимись.

С краешка скамейки поднялась молодая смущённая женщина, но со смелым взглядом. Она все обращения к мужу примеряла на себе. На неё сразу переключились взоры сидящих, особенно женщин.

И.Е. Балов

Т.В. Балова

– Татьяна, ты работать где будешь, чай, в клубе или библиотеке? – не унимался Кавун.

– Нет, я хочу работать в колхозе, на земле.

Вопросы были исчерпаны, собрание и без того затянулось.

Большинством голосов Иван Егорович Балов 30 июня 1954 года был избран председателем колхоза имени XVII партсъезда Букринского района, позже переименованного в колхоз имени Ленина Старожиловского района. Он стал тридцать первым председателем за 24 года существования колхоза.

Довольный собой, районный товарищ вздохнул с облегчением и отбыл восвояси, оставив нового председателя вникать в хозяйство. Ни ему, никому другому тогда и в голову не могло прийти, что в этой должности Балов отработает больше полувека.

Начало

На другое утро, кое-как подремав после напряжённого дня, Балов встал со светом. Стараясь не разбудить жену, вышел на улицу. Село безмятежно спало, хотя комбайнам можно было выходить в поле и по холодку начинать уборку. Только к девяти часам к правлению колхоза стали подтягиваться механизаторы, бригады за указаниями.

- Вы почему в правлении, а не в поле? Или что случилось? - спросил возмущённый Балов.

- Ничего не случилось, пришли за указаниями, - отвечают, почёсывая в затылках.

- Какие нужны указания? Разве не ясно кому, что комбайны часа три уже должны быть в поле?

- Дык, всем всё понятно, но привыкли каждый день начинать с наряда.

- Ну, если в этом есть нужда, то наряды буду давать с вечера, а золотое время на это тратить не будем.

Наконец, определив всех по местам, отправился на ферму и в поле, прихватив с собой счетовода и бригадира, которые по ходу вводили его в курс дела. Дела были аховые. В коровнике полсотни тощих животин ревели от бескормицы.

- Почему скот не на пастбище?

- Пастух, наверно, опять запил. Да и от коров ни приплода, ни молока - одни убытки. Дешевле будет пустить их под нож.

Прошли на соседнее поле. Урожай шёл сиротский - в среднем три центнера с гектара, то бишь собирали столько, сколько посеяли. Плюс издержки на технику, на горючее и прочие расходы. Одна только расположившаяся в Гребневе МТС за свою не очень

качественную работу драла с колхоза три шкуры, опустошала изрядно и без того скудные закрома. Вдобавок городские заготовители постоянно запускали руку, скребли последние крохи. Бедным крестьянам ничего не оставалось. На зарплату денег не было, трудодень называли «палочкой», пенсии престарелым не платили. Колхозники держались только за счёт своего подсобного хозяйства: многие имели коров, прочую скотинку, птицу, особенно там, где в доме был мужчина. Но большинство семей лишилось кормильцев: требовали поддержки пенсионеры, больные, дети без родителей.

Уже на первом заседании правления колхоза собравшимся стало ясно, что новый председатель быстро постиг главные проблемы колхоза и уже сделал некоторые выводы. Природа наделила Балова сильным и деятельным характером, пытливым и наблюдательным умом, он получил крепкую жизненную закалку и не привык ничего делать плохо. А главное – он твёрдо держал данное слово, честно выполнял любое обещание. Выступая на этом заседании перед колхозниками, сказал, как отрезал: «Я полностью отдаю себя работе, но и с вами буду поступать очень жёстко. Характера и смелости у меня хватит». Начал с укрепления дисциплины, упорядочил режим работы, предупредил любителей выпить и поживиться за счёт колхоза.

Определил круг первоочередных задач. Нужно в сжатые сроки и качественно убрать урожай. Заготовить на зимовку корма. Дать людям хоть немного почувствовать трудодень. Но колхозная касса была пуста. Не было денег даже на верёвки, чтобы перевязывать сено. Балов велел бухгалтеру взять ссуду в банке, тот отмахнулся: мол, много было таких председателей, которые берут, а отдавать нечем. Пришлось стукнуть кулаком. Бухгалтер взял ссуду и купил верёвки. Так с верёвок всё и началось...

Спасти урожай 1954 года Иван Балов уже не смог, собрали в среднем по 3,9 центнера зерна с гектара. Низкими были надои молока, выход мяса, поскольку колхоз постоянно оставался в долгу перед государством. Новый председатель увидел явное несоответствие между возможностями колхоза и результатами его работы.

Балов начал с наведения порядка. Заметил, что в колхозе много начальников: заместителей председателя, бригадиров, помощников бригадира, учётчиков, счетоводов, заведующих складами, фермами, кладовщиков. Бросалось в глаза, что почти все руководящие должности занимали крепкие мужики, а на тягловых работах несли вахту женщины. Некоторые из начальников с утра бывали навеселе. Как говорили: «Один с сошкой – семеро с ложкой». Молодой председатель втрое сократил число администраторов, взяв обязанности многих на себя, укрупнил полеводческие бригады. Вместе с агрономами стал работать над повышением культуры земледелия. Для добросовестных колхозников, добывающихся хороших показателей, предусмотрел дополнительную оплату.

Его первые шаги вызывали разные толки. «Горячо берётся, скоро остынет. У нас такие уже бывали. Да где они теперь?» – поговаривали многие, особенно те, кто потерял руководящие должности. Надо сказать, что они бросали ядовитые семена на благодатную почву, колхозники имели все основания остерегаться и сомневаться: в самом деле, видели всякое. Работали кое-как, некоторые просто совали палки в колёса механизма, начинающего со скрипом движение вперёд, подбивали сельчан не очень усердствовать, припугивали: онто, мол, уедет, и всё встанет на свои места. Угрожали и самому Балову, как не обходилось без угроз в родном Выползове, когда он начинал наводить порядок.

Он и сам понимал: чтобы вытащить колхоз из ямы, нужны не только сильная воля, требовательность, напористость. В колхозной кассе по-прежнему не было денег. Всё, что появлялось, шло на латание прорех, на подготовку к работе в зимних условиях. Требовался начальный капитал. Помогали предпринимательская жилка, крестьянская смекалка. На неотложные нужды зарабатывали всяким промыслом, не гнушались никакими доходами. Оказалось, что можно зарабатывать и продажей на рынке семечек, которых был неплохой урожай.

Иван Егорович был убеждён, что колхозное хозяйство только тогда будет выгодным и крепким, когда оно станет выгодным колхознику, что крестьянское благополучие в первую очередь зависит от председателя. Остался строг к себе. Начал с того, что отказался от твёрдой зарплаты и, как все колхозники, перешёл на трудодни. Он сразу вырос в глазах людей. Но более всего ценил в людях честность, а главными врагами всю жизнь считал показуху, некомпетентность, безалаберность, лень, корыстолюбие, наплевательское отношение к труду. Он добивался повышения производительности труда, внедрял технику, старался перенимать всё новое и лучшее, причём спешил осваивать одним из первых. Иван Егорович всем делом, а не на словах доказывал, что солью земли, опорой государства является российский крестьянин. Не станет крестьянина, не будет государство делом помогать селу – не будет и самого государства.

Трудности подстерегали на каждом шагу, причём такие, о которых председатель и не помышлял. Однажды в начале июля 1956 года заехал в колхоз начинающий журналист, потребовал внимания и обстоятельного рассказа об успехах. Балов отмахнулся, мол, какие успехи, идёт горячая пора, убираем урожай, каждый час, каждый человек на счету. Не хватает техники,

запчастей, горючего, так что не о чем пока в газету писать. На строительстве фермы не достаёт каменщиков и стройматериалов. Оскорбился журналист, посчитал свою профессиональную гордость задетой и, представленный сам себе, пошёл искать «жареные» факты. Нашёл, в первую очередь, «доброжелателей», которые преподнесли эти самые «факты» с охотой. И выдал в очередном выпуске информацию под заголовком «Нет напряжения»: в колхозе, мол, не ведётся борьбы за выполнение принятых обязательств, снизилась продуктивность дойного стада, ночная пастьба стада не организована, дополнительная подкормка – тоже, не уделяется достаточного внимания кукурузе, закладке силоса как основе кормовой базы. И заключил заметку «пророческими» словами: «Когда председателю колхоза тов. Балову указывают на имеющиеся недостатки в артели, он отмахивается руками, заявляя, что без посторонней помощи обойдётся, сам всё сделает. Однако сделанного пока нет, напряжения в колхозе не чувствуется. Высокомерие тов. Балова к хорошему не приведёт». Конечно, прорех в хозяйстве было хоть отбавляй, но насчёт отсутствия напряжения в колхозе и высокомерия Балова журналист явно перегнул. А вот «указаний» со стороны залётных гостей, будь то начальство из района, проверяющие или газетчики, Балов действительно не терпел. Приедут, случалось, на час-другой и всё им становится ясно, сразу начинают поучать...

31 августа того же 1956 года, как бы в ответ незадачливому журналисту, газета «Старожиловские просторы» публикует большой обзор из артели имени XVII партсъезда или, как упрощённо говорили, Гребневского колхоза, уголья которого раскинулись почти на трёх с половиной тысячах гектаров, под заголовком «Крепнет общественное хозяйство». В разделе об урожайности говорилось о том, что колхоз уже

за один 1955 год добился значительного повышения урожайности зерновых за счёт умелого соблюдения правил агротехники. Несмотря на засушливую весну текущего года, колхоз получил свыше девяти центнеров ржи с каждого гектара. Урожайность, на первый взгляд, невысокая, но за один год председательства Балова возросла втрое.

Газета отметила, что заложена хорошая основа урожая будущего года. Колхозники в содружестве с механизаторами тракторной бригады Н.Т. Лоскутова закончили озимый сев на 802 гектарах по хорошо обработанным парам. Площадь озимой пшеницы расширилась почти в три раза. В 1955 году, например, гребневцы ссыпали в государственные закрома 6000 центнеров зерна. В текущем году колхоз обязался продать государству около 310 тысяч пудов ржи и пшеницы.

Раздел «Идёт в гору животноводство» говорил сам за себя: «План по крупному рогатому скоту и овцам перевыполнен. На птицеводческой ферме есть куры и гуси. Для дальнейшего развития животноводства колхоз оставляет в зиму 100 телят, переводит в разовые свиноматки 40 голов из молодняка.

Вместе с ростом поголовья скота повышается и его продуктивность... Животноводы полны стремлений надоить на каждую корову не менее 3000 килограммов молока. Доярка М.Ф. Крысанова на 20 августа надоила по 2968 килограммов молока на каждую корову. Это на 1000 килограммов больше прошлогоднего. Получила 2795 килограммов на корову своей группы Л.С. Давыдова. По сравнению с прошлым годом надои у неё увеличились на 1400 килограммов на корову».

В газетном обзоре не были забыты новостройки: стандартный кирпичный коровник с автопоилками, подвесной дорогой, хорошо оборудованной кормокухней, в деревне Михалкове шлакобетонный свинарник на 100 голов, новый гараж для автомашин.

Отмечалось в нём, что облицованы три силосные траншеи по 150 тонн каждая, планируется отделать ещё одну на 200 тонн, строятся шлакобетонный телятник на 120 голов и деревянный овчарник, таким образом, в стойловый период этого года скот разместится в добротных помещениях.

В обзоре особое внимание уделялось жизни и быту людей. Говорилось, что строится жилой дом, что колхозники не могут уже, как раньше, называть трудодень «палочкой»: недавно они получили натуральный аванс за 1956 год. Так, «доярка Крысанова одна заработала полторы тонны хлеба. М.Е. Торгашев, работающий бригадиром полеводческой бригады, и его жена – свинарка, получили 120 пудов ржи, рядовой колхозник Ф.С. Мурашкин – 48 пудов».

Высокая оплата трудодня, ежемесячное авансирование оказали серьёзное влияние на трудовую дисциплину. Гребневские животноводы, ободрённые солидными материальными стимулами, решили значительно увеличить производство молока и выйти в первые ряды соревнующихся колхозов.

27 декабря 1956 года в колхозе имени XVII партсъезда состоялась районная конференция, посвящённая увеличению производства сельскохозяйственных продуктов на 100 га земельных угодий. В конференции приняли участие председатели колхозов, специалисты сельского хозяйства, секретари парторганизаций, директора МТС, руководящие партийные и советские работники района. Перед участниками конференции с докладом выступил Балов. Он уверенно высказал своё мнение: увеличение выхода сельскохозяйственной продукции на 100 гектаров земельных угодий находится в прямой зависимости от правильного использования закреплённой за колхозом земли, от роста урожайности и валового выхода продукции с каждого

гектара, пропорционального развития общественного животноводства и роста его продуктивности, а также от того, в какой мере и как участвует в колхозном производстве МТС. Рассказал, что новый порядок планирования повлиял на инициативу колхозников. Урожайность стала расти, особенно на тех участках, где обрабатывали землю с использованием последних достижений науки, по методу народного академика Терентия Мальцева.

Не стал скрывать он и колхозных недоработок, в частности, в выращивании картофеля и овощей. Назвал это производство запущенным, отстающим от зернового хозяйства. Правда, оговорился, что хотя картофеля и овощей собирают мало, но урожайность и площади под ними растут. Неприглядной назвал картину в животноводстве. До 1954 года не было помещений для скота, фуража, без чего отрасль развивать нельзя. Однако положение изменилось: теперь в колхозе хорошие животноводческие помещения, электрифицирован коровник с автоматическим поением, механизированы и другие работы. Для скота достаточно кормов. Растёт оплата трудодня, что создаёт заинтересованность у колхозников в результатах своего труда.

Балов завершил свой доклад сообщением: в 1957 году колхоз получит урожайность не менее 11 центнеров с гектара. Надой от каждой коровы составит 3500 килограммов молока. Поставлена задача довести производство мяса до 12 центнеров на 100 гектаров угодий. Принимаемые меры позволят получить доход не менее 1 миллиона рублей.

Гости притихли – вот что, оказывается, можно сделать за два года в разваленном хозяйстве. Совсем недавно не верили, что молодому Балову такое по плечу.

Иван Егорович понимал, что увеличение производства молока, мяса, хлеба невозможно без молодых

рабочих рук, и обратился к выпускникам школ Старожиловского района с призывом пойти работать в колхозное производство:

«На полях, фермах и в других отраслях общественного производства широкое поле деятельности. Вам есть, где приложить свои молодые сильные руки, а знания, полученные в школе, помогут успешно решать поставленные задачи, овладевать опытом передовиков сельскохозяйственного производства».

Он заверил молодых людей, начинающих трудовой путь, что растущая экономика колхозов позволяет увеличивать оплату трудодня и в подтверждение своих слов привёл в пример семью Кабановых из своего колхоза:

«Взять семью Анастасии Кабановой. Сын Николай, сноха Александра и она сама работают на животноводческой ферме. Дочь Тоня, окончившая недавно Гребневскую семилетнюю школу, просится принять её дояркой. Правление уже решило подобрать и закрепить за ней группу первотёлок. Эта семья тружеников получила авансом за прошедший месяц около 2000 рублей деньгами. Кроме этого на выработанные трудодни им будут выдаваться продукты, корма и т. д.».

Молодой председатель призвал юношей и девушек, окончивших десять классов, смелее становиться в ряды тружеников сельского хозяйства.

В марте 1958 года колхоз укрупнился, объединившись с соседней артелью, где за 15 лет сменилось восемь председателей колхоза. «Недавно мы объединились с гребневским колхозом, – писал колхозник артели А.Сафронов. – Во главе правления стал И.Е. Балов. С первых дней колхозники увидели в нём заботливого хозяина». Теперь колхоз стал носить имя Ленина. Его земельные угодья достигли 5500 гектаров.

Балов старался использовать удобное местоположение своего хозяйства. Село Гребнево располагалось

на оживлённой дороге, которая называлась раньше Астраханским трактом. Недалеко железнодорожная станция Старожилово и одноимённый районный центр. Опять же до Рязани всего около полусотни километров. Подходящая земля, пусть не чернозём, но можно получать на ней неплохие урожаи и поправить дела в колхозе. В общем, география колхоза удачная. Поинтересовался его историей, она не показалась ему блестящей. В Гребневе до 1931 года располагались две артели – имени Шмидта и «Парижская коммуна». Несмотря на то, что в селе было более 200 домов, в обе сельхозартели входили десятка по два-три крестьянских семей, те, кто победнее, можно сказать, нищие, кто не имел никакой техники, ни плуга, ни бороны, не привёл с собой скота. Лошадёнок в колхозе тогда было мало, коров тоже – около трёх десятков, а из техники – сохи да телеги.

Балов знал о таких хозяйствах не понаслышке. Однажды его, маленького мальчонку, дед посадил на свою лошадь и грустно произнёс: «Прокатись, Ваня, последний раз», – и отвёл лошадку в колхоз, который создавался тогда в Выползове...

Обе же гребневские артели объединились в коллективное хозяйство, которое называли колхозом имени XVII партсъезда. При дальнейшем укрупнении в колхозе оказались сёла Гребнево и Заполье, деревни Епихино, Душкино, Игнатово, Михалково, и называться он стал колхозом имени Ленина.